

Н. П. Палецких
**ДОСУГОВАЯ СФЕРА ТЫЛОВОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НА УРАЛЕ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

УДК 94 (470.5) «1941/1945»

ББК 63.3(235.55)62

Статья посвящена проблемам досуговой сферы повседневной жизни населения Урала в годы Великой Отечественной войны и носит постановочный характер. На основе изучения архивных источников и опубликованных эго-документов с позиций истории повседневности разграничены понятия «свободное время» и «досуг», рассмотрена структура и содержание отдельных форм досуга, предложена классификация досуговых занятий применительно к экстремальной обстановке военного времени, выделены факторы, детерминировавшие объем, содержание и характер досуга, названы потребности и мотивационные основания, порождавшие различные модели досугового поведения. Автор приходит к выводу о том, что досуговая сфера на Урале в годы Великой Отечественной войны представляла собой сложную, противоречивую, регулируемую партийно-государственными органами систему воспроизводства социальных ресурсов.

Ключевые слова: *досуговая сфера, тыловая повседневность, Урал, Великая Отечественная война*

В 1992 г. была опубликована брошюра А. Н. и Л. А. Мерцаловых «Довольно о войне?». Время, прошедшее с тех пор, дало убедительный ответ на этот полемически заостренный вопрос. Оказалось, что научная проблематика истории Великой Отечественной войны историографически далеко не исчерпана. Более того, ее общеполитическая и духовно-нравственная востребованность постоянно обновляется и нарастает. Под воздействием комплекса внешних и внутренних факторов современного развития России резко актуализировалось эвристическое содержание таких категорий, как «советское общество», «советский народ», «советский человек», новыми гранями высвечиваются принципиальные проблемы истоков и значения Победы.

Значительным потенциалом для теоретического осмысления этих категорий и проблем располагает уральская региональная историография.¹ Трудями нескольких поколений исследователей дана объемная характеристика экономических, социальных, культурных процессов, событийной истории Урала военных лет. Во многих работах так или ина-

че присутствуют элементы описания повседневной жизни населения, прежде всего его материально-бытовых условий. Выполнены и первые диссертационные работы, где через обращение к бытовой сфере акцентированы некоторые смысловые параметры локальной повседневности периода войны.²

Между тем бытовые условия и связанный с ними сегмент ментальности (восприятие, толкование, поведенческие реакции) являются важной, но не единственной составляющей повседневности. Определяя ее структуру, И. В. Утехин, например, подчеркивает: «Быт... есть часть повседневности, непосредственно связанная не собственно с жизнью, а с жизнеобеспечением, с созданием условий жизни... Собственно жизнь — трудовая, творческая, общественная, та, ради которой стоит предпринимать усилия и к чему-то стремиться, — вне быта».³ Развивая эту мысль применительно к периоду войны, заметим, что в том случае, когда тыловая повседневность редуцируется до уровня решения бытовых проблем и отождествляется с практиками физического выживания, советский человек военной поры ставится в положение лишь потребителя

¹ Подробнее об этом см.: Корнилов Г. Е. Урал в Великой Отечественной войне: историографическая ситуация // Урал. ист. вестн. 2013. № 4(41). С. 50–62.

Палецких Надежда Петровна — д.и.н., профессор кафедры истории и философии Челябинской государственной агроинженерной академии (Челябинск)
E-mail: palenad@mail.ru

² Гонцова М. В. Повседневная жизнь населения индустриального центра в годы Великой Отечественной войны (на материалах г. Нижний Тагил): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Тагил, 2011; Соловьева В. В. Бытовые условия персонала промышленных предприятий Урала в 1941–1945 гг.: государственная политика и стратегии адаптации: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2011.

³ Утехин И. В. Очерки коммунального быта. М., 2004. С. 209.

усеченных материальных благ и услуг, страдальца, но никак не творца общей Победы. Задача реконструкции полноценной картины тыловой повседневности требует обращения и к ее небытовым компонентам — к тем областям жизни, где формировался, пополнялся и реализовывался личностный потенциал человека, творилась и воплощалась в конкретных действиях солидарная воля к Победе, что помогало преодолевать всевозможные трудности и лишения.

Одной из таких сфер, до сих пор находящейся в «слепых зонах» историографии, является досуговая. Соглашаясь с К. Кухер в том, что «изучение досуга было и остается сложнейшей темой для историков»,⁴ наметим в статье возможные линии рассмотрения данной темы на материалах Урала периода Великой Отечественной войны. Цель статьи — пополнить научные представления о советском человеке, о сложных взаимосвязях в системе «человек — общество».

Досуговая сфера, будучи относительно самостоятельной подсистемой социальной жизни, обладает собственной структурой и системой функций. В литературе встречается немало определений понятия «досуг» разного гуманитарного профиля и научного достоинства. При всех различиях в предлагаемых дефинициях отражено два варианта неразрывной связи досуга с категориями «свободное время» и «внерабочее время». Чаще всего досуг трактуется как темпоральная категория и отождествляется со свободным временем или частью внерабочего времени. Наиболее отчетливо такое понимание досуга было представлено в Большой Советской Энциклопедии. Другой вариант истолкования досуга устанавливает его смысловое отличие от понятия свободного времени: «Досуг — совокупность видов деятельности, предназначенных для удовлетворения физических, духовных и социальных потребностей людей в свободное время».⁵ Не вдаваясь в дискуссию, отметим, что в данной статье под досугом понимается деятельность людей в свободное время.

Досуг как субъектно-деятельностная сторона жизни человека, группы, населения реализуется в определенных временных и пространственных координатах, сопряжен с использованием того или иного предметно-

вещественного инвентаря, визуальной и вербальной символики. От наличия и качества этих структурных элементов досуговой сферы во многом зависят объем, содержание и характер досуга. Но генеральным фактором, детерминировавшим досуговую сферу тыловой повседневности, была война, предъявлявшая к коллективной и индивидуальной субъектности в тылу четкий политический и нравственный императив «Все для фронта, все для победы!». Экстремальная обстановка войны, ставшая на четыре года повседневностью, диктовала пределы допустимого, необходимого и возможного в объеме и содержании досуга.

Совершенно очевидно, что фонд свободного времени у занятого городского и сельского населения Урала существенно сократился. Данные о средней продолжительности рабочего дня на 21 крупном уральском предприятии, опубликованные А. А. Антуфьевым, показывают, что подавляющее большинство рабочих было занято на производстве в пределах от 8,4 до 11,3 часа. Повсеместно и значительно уменьшилось число выходных и праздничных дней. До 1944 г. выходные дни предоставлялись в среднем 2,2–2,3 раза в месяц.⁶ Однако трудовая нагрузка для большинства горожан не исчерпывалась законодательно определяемой нормой (от 1/3 до 1/2 суточного времени). Из предполагаемого фонда свободного времени следует вычитать затраты на вторичную занятость, на передвижение с работы и на работу, на стояние в очередях, на сон и т. д. Подробный анализ занятости сельских тружеников в колхозно-совхозном секторе экономики и на приусадебных участках, содержащийся в монографиях Г. Е. Корнилова и В. П. Мотревича,⁷ убеждает в том, что в годы войны уральская деревня работала на износ.

Установить среднестатистическую величину свободного времени взрослого работающего жителя Урала в период войны невозможно уже хотя бы потому, что требуется развернутая дифференциация работников по половозрастному признаку, по их социально-профессиональной и ведомственной при-

⁴ Кухер К. Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928–1941. М., 2012. С. 11.

⁵ Российская социологическая энциклопедия. М., 1999. С. 132.

⁶ См.: Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992. С. 272–277.

⁷ Корнилов Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны. Свердловск, 1990; Мотревич В. П. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск, 1990.

надлежности, по разным этапам войны и по сезонам года. Между тем очевидно и то, что не поддающееся надежному арифметическому исчислению свободное время присутствовало в жизни людей и заполнялось теми или иными видами досуга. Наглядное представление об этом дают мемуарные источники. Так, А. И. Чекурова вспоминает: «Но люди не только работали и горевали, иногда и отдыхали. Выходных и праздников не было, но зимой, когда мела метель и за кормом не ездили, женщины собирались у какой-нибудь вдовы, брали с собой ребятишек, чтобы посидеть всем вместе в тепле. Керосина не было, жгли солярку — в коптилку нальют, она коптит. Мы все довольные, матери плачут (похорожки все приходили и приходили). Потом понемногу успокаивались, пели песни, а то и пойдут попляшут».⁸ В этой зарисовке незамысловатого по форме досуга прочитываются его базовые функции в условиях войны: рекреационная, психотерапевтическая, общения, поддержания и сохранения коммунарных ценностей солидарности, доверия, коллективизма, самопрезентации и самореализации.

В ситуации досуга явственно выражаются личные качества, самопроизвольность и внутренняя свобода человека. Но необходимо учитывать, что индивидуальные горизонты человеческих потребностей значительно разнятся, диапазон их широк — от примитивно-низменных до изысканно-возвышенных, — и в силу этого они порождают как креативное, развивающее, так и асоциальное, разрушающее досуговое поведение. Поэтому в обществе как «собрании индивидуальностей» всегда присутствует запрос на регулирование досуга сообразно конкретно-исторической обстановке. Субъектом политики в сфере тылового досуга периода Великой Отечественной войны выступали ВКП(б) и Советское государство. Именно партийно-государственные структуры формировали культуру рациональной организации свободного времени людей и позитивного его использования, препятствовали декulturации общества. Следует подчеркнуть, что эта политика носила конструктивный, мобилирующий характер, способствовала достижению общенародной цели — выстоять и победить. Упрекать Коммунистическую партию и Советское государство за политизацию досу-

говой сферы в условиях войны, на наш взгляд, по меньшей мере, неправомерно. Такая политизация была неизбежна: в сражающемся за правое дело обществе она опиралась на коллективную ответственность за судьбу страны, на чувство гражданского долга, самоконтроль. «...И вдруг я увидел, что не имею права не читать каждый день газеты...»⁹ — писал в своем дневнике мастер, парторг эвакуированного завода А. Г. Смышляев.

Партийно-государственный контроль в том или ином виде распространялся на всю структуру досуга, в которой можно выделить две основные группы занятий. Первая из них охватывает те формы деятельности, которые носили социально позитивный характер, поощрялись властью и подлежали организации: учебно-образовательную активность, чтение литературы, посещение культурных мероприятий (кинофильмов, спектаклей, концертов, музейных выставок и т. д.), занятия физкультурой и спортом, участие в художественной самодеятельности. Каждая из названных форм, насыщенная разнообразным содержанием, заслуживает самого пристального специального изучения. Здесь отметим лишь то, что внимание к ним в рассматриваемый период не было ни кампанейским, ни конъюнктурным: оно прослеживается на всем протяжении войны и по отношению ко всем группам тылового населения без исключения.¹⁰ Материально-техническая база этих форм досуга продолжала пополняться, насколько это было возможно. Несмотря на заметное сокращение сети стационарных культурно-досуговых учреждений, особенно в 1941–1942 гг., они продолжали функционировать, практиковалось создание и использование передвижных библиотек, музейных экспозиций, художественных выставок, киноустановок, даже отдельных изб-читален и красных уголков. Доступная статистика свидетельствует о расширении зрительской аудитории, увеличении числа людей, приобщенных к освоению духовных ценностей советской культуры, вовлеченных в культурно-массовую работу. К примеру, в Молотовской области (ныне — Пермская) к началу 1942 г. в хоровых и драматических

⁹ Цит. по: Изюмова И. А. Дневник военного времени: опыт качественного анализа // Социс. 2010. № 9. С. 109.

¹⁰ См., напр.: Коломейский И. А. Культурно-воспитательная работа в лагерях и колониях ГУЛАГа НКВД — МВД СССР на территории Челябинской области (1930–1950-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2009. С. 20–22.

⁸ Из воспоминаний А. И. Чекуровой (Капишниковой) о жизни семьи Капишниковых из с. Казанка Шарлыкского р-на в годы войны // Архивы Урала. 1997. № 1 (5). С. 53.

кружках при избах-читальнях участвовало 5 474 человека, а к началу 1944 г. — 8 662. В Чкаловской области (ныне — Оренбургская) в 1940 г. в театрах побывало 583 тыс. человек, в 1943 г. — 864 тыс.¹¹ Непосредственно по отношению к досуговой сфере можно констатировать, что в годы войны культурное строительство на Урале не прекращалось.¹²

В контексте позитивных форм досуга выявляются разные побудительные мотивы и предпочтения советских людей. Отрицать нерелевантную потребность человека в самопревышении нельзя, но и объяснять все тягой людей к знаниям или к искусству, как это подчас прямолинейно делается в исследовательской литературе, исторически недостоверно. У кого-то это было осознанным проявлением конформизма, демонстрацией идейно-политической лояльности; кто-то лишь послушно исполнял внешние веления, например записаться в вечернюю школу; кто-то стремился добиться признания или продвижения в социальной среде; кто-то ориентировался на референтную группу, подражал выбранным для себя образцам социального поведения. Были и приземленно-бытовые импульсы. Так, труженики тыла вспоминают: «Организовывали коллективное посещение театра и кино. Шли охотно и потому, что, пока сидели на представлениях, немного притуплялось чувство голода»; «Очень много людей ходило в театры. Всем надоела война. Мне хочется есть — я иду в театр, чтобы отвлечься».¹³

В другую группу занятий в структуре досуга входили те, которые не одобрялись властями, подлежали пресечению либо порицанию: праздное времяпрепровождение, пьянство, азартные игры, вечеринки с гаданиями, отправление религиозных обрядов и т. п. Однако искоренить девиантные формы досуга было вряд ли возможно. Так, формой досуга, снимающей физическую и психологическую усталость, атрибутом пассивного отдыха являлось употребление алкогольных напитков. Они были востребованным и дефицитным товаром. На прямой запрет государство в условиях войны не пошло, ограничившись неоднократным повышением цены в госторговле.

¹¹ Подсчитано по: ГАПК. Ф. 986. Оп. 1. Д. 713. Л. 2; ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 9. Д. 620. Л. 8.

¹² Подробнее об этом см.: Сперанский А. В. В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Екатеринбург, 1996.

¹³ Женское лицо Победы. Челябинск, 2001. С. 200–201; ГАСО. Ф. Р-2766. Оп. 1. Д. 139.

В начале 1941 г. 0,5 л водки стоил 11,5 руб., а в конце 1945 г. — 80,5 руб. Государственная розничная цена на данный товар к 1945 г. составила 745 % к показателю 1940 г.¹⁴ На базарах в торгово-обменных операциях водка служила всеобщим эквивалентом. Так, в 1942 г. в Златоусте 0,5 л водки можно было обменять на 1 кг мяса или 8 кг муки; в Свердловске в 1943 г. за 1 л водки отдавали 1 кг сливочного масла, или 2–3 кг мяса, или 10–13 кг картофеля.¹⁵ С осени 1941 г. в городских поселениях водка продавалась по карточкам. Ее распределение было сосредоточено преимущественно на промышленных объектах, прежде всего для стимулирования работ — поощрения передовиков и руководителей структурных подразделений.

Борьба с пьянством в военное время, как и до войны, имела специфически-адресный характер: к должностной и партийной ответственности привлекали руководящий состав. В 1943–1945 гг. выходили постановления уральских обкомов партии с характерными формулировками: «О банкетах на предприятиях г. Серова», «О прекращении недопустимой, широко распространившейся в республике практики устройства всякого рода банкетов, встреч и вечеров», «О недопустимости устройства в областных советских учреждениях семейных вечеров с употреблением алкогольных напитков».¹⁶ Рядовые работники, оказавшиеся на рабочем месте в нетрезвом состоянии, приравнивались к прогульщикам. При недопустимости алкогольной продукции процветало самогонование, практиковавшееся даже в лагерных условиях. К примеру, в октябре 1943 г. на 1-м лесоучастке Богословлага из палатки трудмобилизованных немцев изъяли самогонный аппарат, изготовленный по распоряжению начальника участка.¹⁷ Традиции питейного досуга подпитывались тотальным ухудшением условий жизни, физическим и психическим перенапряжением людей в тылу.

Таким образом, досуговая сфера тыловой повседневности на Урале являла собой

¹⁴ ОГАЧО. Ф. 1029. Оп. 12. Д. 3. Л. 91; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: стат. сб. М., 1990. С. 192, 194.

¹⁵ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 360. Л. 17; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 227. Л. 125.

¹⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 39. Д. 10. Л. 7–8; ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 14. Д. 497. Л. 1; ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 8. Д. 38. Л. 8 и др.

¹⁷ См.: Разинков С. Л. Условия жизни и труда трудармейцев // GEDENKBUCH: «Книга памяти немцев-трудармейцев Богословлага. 1941–1946». М.; Нижний Тагил, 2008. Т. 1. С. 54.

сложную, противоречивую, регулируемую систему воспроизводства социальных ресурсов воюющей страны, в основе своей нацеленную на победоносный исход войны, на сохранение гуманистической ценностной матрицы советского общества. Выполненный в настоя-

щей статье анализ (заведомо схематичный и неполный) конкретно-исторической информации и первичное упорядочение знаний по обозначенной теме выявили множество актуальных проблем, требующих комплексной постановки и объективного рассмотрения.

Nadezhda P. Paletskikh

Doctor of Historical Sciences, Chelyabinsk State Academy of Agricultural Engineering (Russia, Chelyabinsk)

E-mail: palenad@mail.ru

FREE TIME AND LEISURE IN THE EVERYDAY LIFE OF THE PEOPLE
IN THE URALS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article deals with the problems of free time in the everyday life of the Urals population during the Great Patriotic war years and formulates problems for further studies. Based on the study of the archives and the published ego-documents the author draws a distinction between the notions 'free time' and 'leisure' from the standpoint of the history of everyday life; the structure and content of various forms of leisure activities is reviewed, and the classification of leisure activities under the extreme conditions of the war period is offered; the author also pointed to the facts, which determined the scope, the content and the nature of the leisure activities, listed the needs and motivations underlying various models of leisure behavior. The author came to a conclusion that the free time and leisure activities in the Urals during the Great Patriotic War years was a complicated, controversial, regulated by the communist party and state authorities system of reproduction of the social resources.

Key words: *recreational areas, rear daily, Ural Great Patriotic War*

REFERENCES

- Antufev A. A. *Uralskaya promyshlennost nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Ural industry on the eve of and during the Great Patriotic War]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 1992, 338 p. (in Russ.).
- Izumova I. A. *Sotsis* (Sociological Studies), 2010, № 9, pp. 108–112. (in Russ.).
- Kornilov G. E. *Uralskaya derevnya v period Velikoy Otechestvennoy voyny* [Ural village during the Great Patriotic War]. Sverdlovsk: Uralskiy universitet Publ., 1990, 195 p. (in Russ.).
- Kornilov G. E. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* (Ural'skiy istoriceski vestnik), 2013, № 4(41), pp. 50–62. (in Russ.).
- Kukher K. *Park Gorkogo. Kultura dosuga v stalinskuyu epokhu* [Gorky Park. Leisure culture in the Stalin era]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2012, 350 p. (in Russ.).
- Motrevich V. P. *Kolkhozy Urala v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Collective Urals during the Great Patriotic War]. Sverdlovsk: Uralskiy universitet Publ., 1990, 195 p. (in Russ.).
- Narodnoe khozyaystvo SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.* [The national economy of the USSR in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow: Goskomstat SSSR Publ., 1990, 235 p. (in Russ.).
- Razinkov S. L. *GEDENKBUCH: «Kniga pamyati nemtsev-trudarmeitsev Bogoslovlaga. 1941–1946»* [GEDENKBUCH: “Memory Book of German trudarmeitsev Bogoslovlaga. 1941–1946”]. Moscow: RND Publ.; Nizhny Tagil: NTGSPA Publ., 2008, 520 p. (in Russ.).
- Rossiyskaya sotsiologicheskaya entsiklopediya* [Russian sociological encyclopedia]. Moscow: NORMA-INFRA Publ., 1999, 672 p. (in Russ.).
- Speranskiy A. V. *V gornile ispytaniy. Kultura Urala v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945)* [In the crucible tests. The culture of the Urals in the Great Patriotic War (1941–1945)]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 1996, 347 p. (in Russ.).
- Utekhin I. V. *Ocherki kommunalnogo byta* [Essays on communal living]. Moscow: OGI Publ., 2004, 277 p. (in Russ.).
- Zhenskoe litso Pobedy* [Female face Victory]. Chelyabinsk: Kniga Publ., 2001, 224 p. (in Russ.).